

Роль советской дипломатии в сохранении канала связи между Москвой и Лондоном на начальном этапе Второй мировой войны. 1939-1941 гг.

Карасёва Анастасия Вадимовна

МГИМО МИД России,

Факультет международных отношений, 3 курс

19454 Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

РЕЗЮМЕ

В историографии начального этапа Второй мировой войны советско-британские отношения 1939-1941 гг. часто рассматриваются сквозь призму идеологического противостояния и геополитического соперничества. Однако в данной статье автор предлагает переосмыслить значимость советской дипломатии в поддержании канала связи между Москвой и Лондоном в условиях высокой степени

напряженности между двумя странами. Анализ архивных материалов позволяет выявить ранее недооцененные аспекты деятельности советских дипломатических кругов, направленной на сохранение возможности для будущего сотрудничества, несмотря на тактические расхождения и стратегические противоречия, что, в конечном счете, способствовало формированию антигитлеровской коалиции и победе над фашизмом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вторая мировая война, советско-британские отношения, СССР, Великобритания, 1939-1941 гг, И.М. Майский, антигитлеровская коалиция

The role of Soviet diplomacy in maintaining the communication channel between Moscow and London at the beginning of the Second World War. 1939-1941.

Anastasiya V. Karaseva

MGIMO University

School of International Relations, 3rd Year

ABSTRACT

In the historiography of the initial stage of the Second World War, the Soviet-British relations of 1939-1941 are often viewed through the prism of ideological confrontation and geopolitical rivalry. However, in this article, the author suggests rethinking the importance of Soviet diplomacy in maintaining a communication channel between Moscow and London in conditions of

high tension between the two countries. The analysis of archival materials makes it possible to identify previously underestimated aspects of the activities of Soviet diplomatic circles aimed at preserving the possibility for future cooperation, despite tactical differences and strategic contradictions, which ultimately contributed to the formation of the Anti-Hitler Coalition and the victory over fascism.

KEYWORDS

World War II, Soviet-British relations, USSR, Great Britain, 1939-1941, I.M. Maisky, the Anti-Hitler Coalition

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война является одним из самых значимых и трагических событий в истории человечества. Понимание причин её возникновения, хода и последствий имеет огромное значение для осмысления современного миропорядка и предотвращения новых глобальных конфликтов. В этой связи анализ советско-британских отношений на начальном этапе Второй мировой войны, а именно в период с 1939 по 1941 гг., представляет собой важную и актуальную задачу. Именно в этот период закладывались основы будущей антигитлеровской коалиции и именно тогда принимались решения, во многом определившие дальнейший ход событий.

Задача исследования заключается в том, чтобы определить и проанализировать роль советской дипломатии в поддержании контактов с Великобританией в период вынужденных корректировок внешнеполитического курса СССР. При этом учтена высокая степень напряженности между двумя странами в условиях, когда советская дипломатия столкнулась с непростой задачей – сохранить хотя бы минимальный канал связи с Великобританией несмотря на взаимное недоверие и подозрения.

Объектом работы являются советско-британские дипломатические отношения в период с 1939 по 1941 гг. Вместе с тем непосредственным предметом анализа выступает основной вектор в деятельности советской дипломатии, направленной на сохранение каналов коммуникации с Лондоном в условиях резко меняющейся геополитической обстановки.

Источниковая база исследования включает в себя широкий круг документов, хранящихся в российских и зарубежных архивах. Особую ценность представляют документы из Архива внешней политики Советского Союза (АВП СССР). Речь идет о переписке между Советским правительством

и диппредставительством в Лондоне, отчеты послов и советников обеих стран, а также материалы, отражающие позицию советского руководства по ключевым вопросам внешней политики. Не менее важными являются материалы, отражающие позицию британского руководства по отношению к СССР, в частности, мемуары Уинстона Черчилля и других участников событий, материалы прессы и иные источники, позволяющие получить более полное представление о советско-британских отношениях в рассматриваемый период.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Как известно, к концу 1930-х годов Европа оказалась в состоянии нарастающей военно-политической напряженности, вызванной агрессивной политикой нацистской Германии. Перед европейскими державами встала задача создания системы коллективной безопасности, способной остановить экспансию Третьего рейха.

Советский Союз, обеспокоенный ростом германской угрозы, активно выступал за создание такой системы, предлагая заключить пакты о взаимопомощи с Францией и Великобританией. В 1935 г. подобный пакт был заключен между Советским Союзом и Францией. Однако его практическая реализация оказалась затруднена, так как французская сторона отказалась подписать военную конвенцию, а потому договор так и не вступил в силу в полной мере. В то же время, западные державы нередко придерживались политики «умиротворения» агрессора, кульминацией которой стало заключение в сентябре 1938 г. Мюнхенского соглашения, после чего попытки создания системы коллективной безопасности были обречены на провал.

Только затем, в 1939 году, когда стало очевидно, что политика «умиротворения» потерпела крах, Великобритания и Франция предприняли

попытки заключить некое подобие союзнических договоренностей с СССР. Советско-британско-французские переговоры, проходившие в Москве весной и летом 1939 года, были, казалось бы, призваны предотвратить дальнейшую германскую экспансию. Тем не менее переговоры зашли в тупик из-за ряда принципиальных разногласий (причиной тому послужили взаимное недоверие, отказ со стороны Польши и Румынии пропустить советские войска через свою территорию в случае необходимости, а также ведение Великобританией параллельных переговоров с Германией).

В условиях провала переговоров с Великобританией и Францией, СССР был вынужден искать альтернативные пути обеспечения своей безопасности. 23 августа 1939 года, по итогам форсированных Берлином переговоров, был заключен советско-германский пакт о ненападении.

Безусловно, этот документ оказал существенное влияние на советско-британские отношения. В Великобритании усилились недоверие к СССР и страх перед потенциальным военным альянсом между СССР и Германией, а перспективы сотрудничества между двумя странами стали еще более туманными. Пакт, как утверждалось в Лондоне, развязал руки Гитлеру и позволил ему начать Вторую мировую войну путем нападения на Польшу 1 сентября 1939 года. Вступление Великобритании и Франции в войну против Германии не привело к сближению с СССР, поскольку советское руководство продолжало придерживаться нейтралитета и соблюдать условия пакта о ненападении.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939 - 1941 ГГ.): ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ

ОТНОШЕНИЯХ

Несмотря на ухудшение отношений с Великобританией после заключения пакта о ненападении от 23 августа 1939 года, советская дипломатия продолжала поддерживать определенные контакты с британским правительством, понимая их необходимость при любом развитии событий. Отношение СССР к Англии определялось задачей укрепления собственной безопасности и ограничения сферы фашистской агрессии при сохранении нейтралитета Советского Союза в войне.

Как уже отмечалось выше, начало Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. само по себе не привело, да и не могло привести Москву к активизации советско-британского диалога. Но зато трагические события 1940 г., особенно захват агрессором Бельгии, Нидерландов, Дании, Норвегии и победа вермахта над Францией, как и вторжение фашистской Италии в Албанию и Грецию, побудили на сей раз саму же английскую сторону изменить содержание своих прогнозов хода войны, особенно на востоке континента, — как бы по-новому взглянуть на стратегическую роль СССР.

Следует, однако, признать, что в первые месяцы Второй мировой войны Лондону, хотя и сосредоточенному на всемерном отпоре Третьему рейху, нелегко было переформатировать тот самодовлеющий пласт антисоветизма, который сами же британские консерваторы наращивали годами.

«Чувство негодования против Советского правительства, вызванное в то время пактом Риббентропа-Молотова, ныне, под влиянием грубого запугивания и агрессии (на Карельском перешейке — Авт.) разгорелось ярким пламенем, — оправдывал субъективизм Уайтхолла в своих мемуарах Уинстон Черчилль. — К этому примешивалось презрение по поводу неспособности советских войск и востор-

женное отношение к доблестным финнам»^[1]. Но вскоре после победы в Зимней войне и сдвига балтийских рубежей СССР на северо-запад, англичанам пришлось задуматься: сколь бы презрительно ни именовали Россию на Темзе «колоссом на глиняных ногах»^[2], но в Европе не остается ни одной державы, способной уравновесить своим курсом экспансию Гитлера, кроме СССР. На Темзе пришли к нежелательному, но вынужденному выводу: оба посольства (как британское в Москве, так и советское в Лондоне) призваны сыграть гораздо более ощутимую роль хотя бы в частичном сближении, двустороннем информировании и взаимопонимании со Сталиным.

Действительно, перед лицом потери союзников в Европе и непосредственной угрозы нацистского вторжения через Ла-Манш Лондон был вынужден взглянуть на Советский Союз по-новому — если пока еще не как на союзника, то, во всяком случае, как на потенциального партнера в жестоком поединке с Третьим рейхом. Именно в этот период советско-британские отношения начали, наконец, сдвигаться с мертвой точки.

Правда, чуть раньше, еще при правительстве Н. Чемберлена, 18 марта 1940 г., то есть до нападения Гитлера на Францию и Бенилюкс, британские власти, испытывающие растущие трудности с обеспечением необходимыми ресурсами в связи с нахождением в состоянии войны с Германией, предложили СССР возобновить прерванные в октябре 1939 г. торговые переговоры. Предложение было при-

нято, однако в лондонском меморандуме от 4 апреля 1940 г. выдвигались неприемлемые требования создать на территории СССР контрольные английские посты для наблюдения за советским экспортом в другие страны. В то же время предложения Советской стороны о развитии торговли на основе взаимной выгоды Лондоном приняты не были^[3]. Именно поэтому в сообщении ТАСС от 22 мая 1940 г. указывалось следующее: «ряд мер, принятых английским правительством, по сокращению и ограничению торговли с СССР (аннулирование советских заказов на оборудование), задержание советских торговых судов с грузами для СССР, враждебная позиция, занятая английским правительством во время конфликта между СССР и Финляндией...не могли способствовать удовлетворительному развитию этих переговоров»^[4]. Миссия по встречной активизации обеих дипломатий по-настоящему началась 25 июня 1940 года, когда новый премьер Уинстон Черчилль известил генсека об отправке в СССР, как считалось, способного и влиятельного посла — Стаффорда Криппса, который вскоре имел в Кремле беседу с советским лидером. «Тот факт, что обе наши страны расположены не в самой Европе, а на ее оконечностях, ставит их в особое положение, — обратился Черчилль к крайне необходимому геополитическому партнеру на востоке. — Мы в большей мере, чем иные страны, расположенные не столь удачно, способны сопротивляться гегемонии Германии...»^[5].

[1] Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 2. — М., АНФ, 2011. — С. 255.

[2] Дейтон Л. Вторая мировая. Ошибки, промахи, потери / Л. Дейтон ; пер. с англ. — М. : Эксмо-Пресс, 2000. — С. 513.

[3] Архив внешней политики Советского Союза (АВП СССР). Фонд 0129. Опись 23. Дело 12. Меморандум Советского правительства правительству Англии от 27 апреля 1940 г.

[4] Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4. — М., 1947. — С. 505.

[5] Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 2. — М., АНФ, 2011. — С. 384.

«Германия ясно почувствовала, что с тех пор, как сэр Стаффорд Криппс стал послом в Москве..., происходит тайное и даже относительно явное укрепление уз между Россией и Англией»^[1], — вынужден был признать глава гитлеровской дипломатии Йохим фон Риббентроп. Вместе с тем, к сожалению, назначение Криппса, как и его миссию в целом, нельзя считать однозначными свидетельствами англо-советского сближения по всем азимутам. Так, 18 апреля 1941 г. английское правительство через своего нового посла предприняло новый, и, добавим, весьма двусмысленный маневр в отношении СССР. Посол вручил НКВД меморандум, в котором писал, что в случае затягивания войны на продолжительный срок, британские элиты будут скорее заинтересованы в том, чтобы война закончилась на приемлемых для фашистской Германии условиях. Иными словами, при развитии подобного сценария открывался неограниченный простор для экспансии на восток и завоевания так называемого «жизненного пространства». Очевидно, меморандум преследовал цель подтолкнуть СССР к более активным действиям против Германии с помощью угрозы примирения между Лондоном и Берлином.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ КАНАЛОВ СВЯЗИ

Что касается Советского Союза, то руководство страны стремилось избежать еще большего обострения отношений с Англией, чем те вспышки взаимной вражды, которые не раз отмечались в 1920-х и 1930-х гг. Криппс информировал Лондон в конце марта 1941 г., что советское правительство

своим поведением как бы демонстрировало «желание подготовить почву для возможного сближения с нами»^[2].

Ключевым направлением деятельности советской дипломатии явилось поддержание официальных дипломатических контактов. На посту советского полпреда в Великобритании в этот период находился опытный дипломат Иван Михайлович Майский, пользовавшийся значительным авторитетом в британских политических кругах. Майский продолжал встречаться с высокопоставленными британскими чиновниками и политиками, разъяснял позицию советского правительства по актуальным вопросам международной политики и, несмотря на сдерживающий фактор советско-германского пакта, пытался убедить собеседников на Темзе в необходимости сотрудничества с СССР в противодействии или хотя бы в сдерживании (учитывая отношения между Москвой и Берлином) германской агрессии.

В этой связи особый интерес представляют дневниковые записи бесед И.М. Майского с У. Черчиллем. По мнению самого И.М. Майского, отношения между СССР и Великобританией в тот момент «были отравлены взаимными подозрениями»^[3]. Тем не менее, благодаря ежедневным усилиям советского полпреда и поддержанию контактов с британским правительством на личном уровне, а также доверию, оказываемому Майскому, удалось сохранить хрупкий мост для будущих переговоров.

По прошествии более восьми десятилетий мы подчас недооцениваем атмосферных, морально-психологических особенностей тогдашних контактов. Говорим в основном об их со-

[1] Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3. — М., АНФ, 2011. — С. 104.

[2] История дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы второй мировой войны. — М., 1975. — С. 165.

[3] Документы внешней политики. Т. XXII, кн.2. — М. 1992. — С. 168.

держании. Но стоит задуматься: как воспринимались окружающими беседы полпреда и премьера не в торжественной тишине правительственных апартаментов, а под аккомпанемент бомбежек «люфтваффе» и зенитных залпов. По воспоминаниям очевидцев, Майский на фоне воздушной тревоги не раз предлагал Черчиллю встать с железной скамьи в т.н. «Зимнем саду» полпредства СССР в доме номер 13 по Royal Kensington Gardens и перейти в убежище. Но увлеченный разговором премьер чаще всего отмахивался, предлагая досидеть до конца налета.

В те грозные дни И.М. Майский неоднократно заверял правительство Черчилля в том, что для СССР оскорбительны любые утверждения о возможном военном союзе с Германией. Советский полпред утверждал, что хозяйственный договор с Германией отнюдь не был сговором подрывного характера, нацеленным против интересов Британии. Документ являлся именно прагматичным по своей сути соглашением, экономически выгодным для СССР. Как напоминал Майский, Советский Союз получал от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего ему неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Наконец, СССР как был, так и оставался нейтральным, если, конечно, Англия или Франция сами не нападут на Советскую Россию и не заставят ее тем самым взяться за оружие. Иными словами, упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Третьим рейхом подогреваются не только некоторыми элементами в Берлине, чтобы дезинформировать Англию и Францию, но

и некоторыми агентами самой Англии, а также Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики^[1].

Вместе с тем в критическом плане необходимо учесть и то, что работа самого полпредства СССР в Лондоне в 1939-1941 гг. проходила в условиях дефицита доверия со стороны не только зарубежных оппонентов, но подчас и сталинского руководства. Однако, с другой стороны, этот дефицит и бесконечные перепроверки информации объяснимы. Ведь они были вызваны не только общей подозрительностью Кремля в отношении западных держав и умелыми действиями германских спецслужб, но и глубинно-психологическими причинами, связанными с биографиями действующих на Темзе лиц. К сожалению, это относилось к И.М. Майскому, чья дореволюционная связь с меньшевистским крылом РСДРП не была забыта Сталиным и, безусловно, влияла на восприятие его донесений. Тем не менее, к чести Сталина, эта мнительность не привела к снятию Майского с должности в столь критический период. Советский лидер понимал, сколь глубоко и органично этот политик и дипломат врос в перипетии лондонской политической жизни и, главное, какое доверие он вызывал у Черчилля^[2]. Вспоминая об этом сегодня, автор ни в коем случае не оправдывает кадровые чистки и репрессии конца 1930-х гг. в аппарате НКВД. Но, к счастью, непосредственно перед началом Великой Отечественной войны в Лондоне, как и в Вашингтоне, было сохранено здоровое, профессиональное и реалистично мыслящее ядро

[1] Бондаренко А.Ю. Горькое лето 1941-го. — М., Вече. 2010. — С. 11

[2] Ржешевский О. А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941-1942) / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков второй мировой войны. — М.: Наука, 1997. — С. 3.

диппредставительств, позволившее без промедлений уже 22 июня подтолкнуть будущих союзников к незамедлительной поддержке СССР.

Кроме того, стоит обратить особое внимание на то, что еще в период так называемой «Странной войны», во время своего визита в Берлин в ноябре 1940 г., В.М. Молотов, народный комиссар иностранных дел Страны Советов, решительным образом отказался от возможного присоединения СССР к пакту трех держав и разделу британских колониальных владений в Азии. Так, во время одной из встреч, когда Иоахим фон Риббентроп убеждал Молотова в том, что конец Британской империи неминуем, английские самолеты ударили по немецкой столице. Собеседники перешли в безопасное место, а Молотов парировал своему немецкому коллеге известной на весь мир фразой: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышатся даже здесь?»^[1]. Эти слова не могли не дойти до Черчилля (хотя впоследствии он не признавал этого), как и до всего британского руководства.

Думается, во многом благодаря всему вышеперечисленному, а не только собственному последовательному прагматизму, Черчилль во время одной из встреч с Майским посчитал необходимым обратить внимание полпреда на то, что интересы двух стран «нигде не сталкиваются»^[2].

Более того, говоря о вступлении 17 сентября 1939 г. войск СССР в Западную Украину и Западную Белоруссию, контролировавшиеся ранее Польшей, британский премьер-министр заявил

в беседе с Майским 6 октября 1939 г.: «Это исторически нормально и, вместе с тем, сокращает возможное «жизненное пространство» для Гитлера»^[3].

Выходит, присоединение к Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины, как и ввод частей Красной Армии в Польшу, нашли в лице Черчилля понимание, что конструктивно повлияло на советско-британские дипломатические отношения. Думается, это суждение остается справедливым несмотря на то, что, в отличие от названных территорий, присоединение прибалтийских государств, независимых с 1918 г. и не являвшихся предметами территориальных споров (СССР не признавал аннексию Румынией Бессарабии в 1918 г. и вынужден был уступить территории Западной Украины и Западной Беларуси по итогам Рижского мира 1921 г.), к СССР не было юридически признано ни Великобританией, ни Соединенными Штатами.

Как известно, 22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно, без объявления войны, напала на СССР. И именно 22 июня Уинстон Черчилль заявил в своей ставшей знаменитой речи: «Вторжение Гитлера в Россию — лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам»^[4].

С учетом содержания данного доклада, т.е. поддержания интенсивных связей между Москвой и Лондоном, не приходится удивляться такой прямоте, на которую до тех пор не отважился ни один представитель правящего в Вестминстере класса.

[1] Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. Записки дипломата-переводчика 1939-41 гг. — М.: Демократия, 2014. — С. 61.

[2] Документы внешней политики. Т. XXII, кн.2. — М. 1992. — С. 168.

[3] Ржешевский О. А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941-1942) / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков второй мировой войны. — М.: Наука, 1997. — С. 1.

[4] Churchill W. The Second World War. Vol. 3 L., 1951. P. 331—333.

В свою очередь, в мозговых центрах российской дипломатии и по сей день подчеркивается, что «ни одно государство в XX веке не оказало такой жизненно важной услуги Великобритании, как вступление Советского Союза во Вторую мировую войну 22 июня 1941 года. В тот день Уинстон Черчилль испытал, пожалуй, самое большое облегчение в своей жизни»^[1]. Конечно, всерьез обсуждать открытие второго фронта на тот момент не представлялось возможным. Тем не менее успех в сохранении канала общения между СССР и Великобританией в дальнейшем способствовал формированию антигитлеровской коалиции и победе над фашизмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает очевидность того, что роль советской дипломатии в сохранении прямой линии связи высокого уровня между Москвой и Лондоном в критический период 1939-1941 гг. была значительной, хотя и не всегда публичной и очевидной. Несмотря на взаимное недоверие, идеологические разногласия и внешние факторы, советским дипломатам удавалось поддерживать минимальную, но жизненно важную

планку диалога с Великобританией, что в дальнейшем сыграло свою роль в формировании антифашистской коалиции.

На фоне разраставшейся угрозы, шедшей от Третьего рейха, рельефно выявилось, что расхожие суждения о якобы полной дезориентации Кремля в канун нацистского нашествия были и остаются домыслами. Как ложно-гипертрофированными являются и утверждения о неспособности и неготовности Москвы наладить сотрудничество с ведущими капиталистическими державами в крайне сжатые сроки. В конечном счете, несмотря на сохраняющуюся подозрительность и идеологические барьеры, советская дипломатия на британском направлении, ведомая Майским, смогла сыграть свою роль в подготовке почвы для будущего антифашистского альянса.

И пусть в 1939-1941 гг. полномасштабное союзничество было лишь призрачной перспективой, канал связи, проложенный советской дипломатией, выдержал тяжесть взаимных подозрений и в конечном счете стал одним из ключевых звеньев, соединивших СССР и Великобританию в рядах антигитлеровской коалиции.

[1] Громыко А.А. Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки: монография / Ал. А. Громыко; Учреждение Российской акад. наук, Ин-т Европы РАН — М.: Ин-т Европы РАН: Русский сувенир, 2008. — С. 15.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Советского Союза (АВП СССР). Фонд 0129. Опись 23. Дело 12. Меморандум Советского правительства правительству Англии от 27 апреля 1940 г.

2. Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. Записки дипломата-переводчика 1939-41 гг. — М.: Демократия, 2014. — 400 с.

3. Бондаренко А.Ю. Горькое лето 1941-го / А.Ю. Бондаренко, Н.Н. Ефимов. — Москва: Вече, 2010. — 432 с.

4. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4. — М., 1947. — 647 с.

5. Громыко А.А. Образы России и Великобритании: реальность и предубеждения: монография / Ал. А. Громыко; Учреждение Российской академии наук, Ин-т Европы РАН — М.: Ин-т Европы РАН: Русский сувенир, 2008. — 96 с.

6. Дейтон Л. Вторая мировая. Ошибки, промахи, потери / Л. Дейтон; пер. с англ. — М.: Эксмо-Пресс, 2000. — 576 с.

7. Документы внешней политики, т. XXII, М. 1992, кн.2. Сентябрь-декабрь / М-во иностр. дел РФ. — М.: Международ. отношения, 1992. — 688 с.

8. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М.: Издательство АПН, 1971. — 736 с.

9. История дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы второй мировой войны. — М.: Издательство политической литературы, 1975. — 752 с.

10. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925—1945. — М.: Наука, 1971. — 716 с.

11. Ржевский О. А. Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941-1942) / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков второй мировой войны. — М.: Наука, 1997. — 288 с.

12. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 2. — М.: АНФ, 2011. — 484 с.

13. Churchill W. The Second World War. Vol. 3 — L.: 1951. — 903 p.

REFERENCES

1. Arhiv vneshnej politiki Sovetskogo Soyuza (AVP SSSR). Fond 0129. Opis' 23. Delo 12. Memorandum Sovetskogo pravitel'stva pravitel'stvu Anglii ot 27 aprelya 1940 g. [Archive of Foreign Policy of the Soviet Union (AVP SSSR). Fond 0129. Inventory 23. File 12. Memorandum of the Soviet Government to the Government of England dated April 27, 1940].

2. Berezhkov V.M. Kak ya stal perevodchikom Stalina. Zapiski diplomata-perevodchika 1939-41 gg. [How I Became Stalin's Interpreter. Notes of a Diplomatic Interpreter 1939-41]. — M.: Demokratiya, 2014. — 400 S.

3. Bondarenko A. Yu. Gor'koe leto 1941-go [The Bitter Summer of 1941] / A.YU. Bondarenko, N.N. Efimov. — M.: Veche, 2010. — 432 s.

4. Vneshnyaya politika SSSR. Sbornik dokumentov. T. 4. [Foreign Policy of the USSR. Collection of Documents. Vol. 4.] — M., 1947. — 647 s.

5. Gromyko A.A. Obrazy Rossii i Velikobritanii: real'nost' i predrassudki: monografiya [Images of Russia in Great Britain: Prejudice and Reality] / A. A. Gromyko; Uchrezhdenie Roscijskoj akad. nauk, In-t Evropy RAN — M.: In-t Evropy RAN: Russkij suvenir, 2008. — 96 s.

6. Dejton L. Vtoraya mirovaya. Oshibki, promakhi, poteri [Blood, Tears and Folly: An Objective Look at World War II] / L. Dejton; per. s angl. — M.: Ehksmo-Press, 2000. — 576 s.

7. Dokumenty vneshnej politiki, t. XXII, M. 1992, kn.2. Sentyabr'-dekabr' [Documents of Foreign Policy, vol. XXII, M., 1992, book 2] / M-vo inostr. del RF. — M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1992. — 688 s.

8. Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyshleniya [Memoirs and Reflections]. — M.: Izdatel'stvo APN, 1971. — 736 s.

9. Istoriya diplomatii. T. 4. Diplomatiya v gody vtoroj mirovoj vojny [History of Diplomacy. Vol. 4. Diplomacy during the Second World War]. — M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1975. — 752 s.

10. Majskij I.M. Vospominaniya sovetskogo diplomata 1925—1945 [Memoirs of a Soviet diplomat. 1925-1945]. — M.: Nauka, 1971. — 716 s.

11. Rzheshevskij O. A. Vojna i diplomatiya: Dokumenty, kommentarii (1941-1942) [War and Diplomacy: Documents, Comments (1941-1942)] / Ros. akad. nauk, In-t vseobshch. istorii, Assoc. istorikov vtoroj mirovoj vojny. — M.: Nauka, 1997. — 288 s.

12. Cherchill' U. Vtoraya mirovaya vojna. T. 2. [The Second World War. Vol. 2.] — M.: ANF, 2011. — 484 c.

13. Churchill W. The Second World War. Vol. 3 — L.: 1951. — 903 p.